

УДК 81.371:398.88(470.53)

ОСОБЕННОСТИ ИМЕНОВАНИЯ ДЬЯВОЛА В ДУХОВНЫХ СТИХАХ ПРИКАМЬЯ

Иван Алексеевич Подюков

профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

Михаил Александрович Соломонов

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. mihail@solomonow.ru

В статье дан лексико-семантический анализ специфической группы активных в языке духовного стиха имен собственных – теонимов, обращенных к библейской фигуре Дьявола. Для данного класса слов выявлены культурно-семиотические мотивировки, средства создания эвфемической окраски, частотность их применения. Сопоставление формул духовного стиха и собственно религиозных номинаций Дьявола в общерусском языке и в русских говорах дало возможность конкретизировать общее положение о соединении в языке духовного стиха книжно-письменных, народно-разговорных и собственно фольклорных элементов.

Ключевые слова: теоним как имя собственное; формула в языке фольклора; лингвoseмиотические связи фольклорных номинаций.

Присутствие в мире Дьявола религиозное учение связывает с необходимостью испытывать праведников; Дьявол есть своего рода препятствие на пути человека к Богу, которое необходимо для совершенствования человека. Без преодоления зла, персонифицируемого в фигуре Дьявола, человек не может выработать в себе твердость духа, искренность веры. «Дьявол необходим, чтобы карать нечестивых, но, кроме того, – чтобы искушать праведных, дабы те увеличили свои заслуги, преодолев искушения» [см.: Аверинцев 1992: 412]. В нетеологических, массовых представлениях Дьявол воспринимается несколько иначе – прежде всего как коварное, омерзительное существо, творящее злодеяния, беспорядок и хаос в мире; как символ греховного образа жизни, зла и пороков.

В художественном пространстве прикамских духовных стихов Дьявол встречается сравнительно нечасто (более двадцати упоминаний на 226 обследованных текстов), тем не менее по количеству номинаций и числу стихов, включающих его имя, он находится на четвертом месте, «опережая» все три канонических лица Троицы – Бога-Сына, Святого Духа и Бога-Отца, а

также саму Троицу. По сумме однокомпонентных номинаций Дьявол «опережает» всех персонажей духовных стихов (за исключением Иисуса Христа). Это обстоятельство свидетельствует об особой значимости в народном сознании представления Зла, об обостренном внимании верующих к силам, несущим его в мир. Целью настоящей статьи является анализ особенностей номинаций Дьявола в текстах духовных стихов, который проводится в сопоставлении с названиями этого персонажа в религиозной речи и общем языке¹.

Очевидное разнообразие имен для *Врага человеческого* во многом связано с представлением о том, что Дьяволу онтологически присуща множественность: не являясь устойчивой, единичной сущностью, Дьявол «существует» в бесчисленных вариантах, с множеством имен и форм (личин). «Множественность» Дьявола в христианском учении – показатель его ущербности, неспособность существовать как нечто единое, иметь собственное имя, собственное лицо. Многоликость Дьявола связана и с тем, что способность перевоплощаться помогает ему при осуществлении своих замыслов. Общий список имен

Дьявола увеличивается еще и потому, что, по народным религиозным представлениям, злых духов, демонов много – кроме Дьявола, есть «легион» прислуживающих ему существ ниже рангом, часто способных к его замещению. Прямое именование их невозможно, поэтому при создании имен Дьявола и бесов активно используются разнообразные приемы эвфемизации. Прежде всего это использование в качестве собственного имени-теонима апеллятива, замена имени местоимением.

Множественность номинаций таких персонажей духовных стихов, как Бог, Иисус Христос и Богородица, имеет другую природу – обуславливается особой религиозной риторикой, направленной на восхваление высшего божественного существа [см.: Соломонов 2010: 30-34]. Кроме того, многообразие имен Бога призвано отразить универсальное религиозное представление о его всеобъемлющей сущности.

В наименованиях Дьявола, как и в целом в теонимической лексике, сформировавшейся под влиянием различных мифологий и религий, немало заимствований из древних языков, а также славянских элементов – «христианская теонимическая лексика является общим наследием языков восточнославянского мира» [Мусорин 2008: 118]. Вот далеко не исчерпывающийся ряд названий Дьявола: *Сатана, Искуситель, Демон, Враг рода человеческого, Люцифер, Мефистофель, Вельзевул, Асмодей, Падший ангел, бес, черная сила, шайтан*. Как замечает О.А.Черепанова, такое разнообразие имен складывается в результате существования различных легенд о происхождении Дьявола, контаминации древних религий, наличия табуирования [Черепанова 2005: 95]. Теоним *Сатана* (родственно слову *шайтан*) обозначает Дьявола как главного антагониста Бога (восходит к древнесемитскому «сатан» – «противник»). Примечательно, что в русских народных говорах это имя широко варьируется – *С́атан* (русские говоры Латвии), *Сатанило* (новг., костр.), *Сатано́ид* (арх.), *Сатано́* (донск.), *Сатани́н*, *Сатана́с* (пермск.: *Сатанин всё знал на небе, он был вот правая рука, вот он однажды и сказал Богу: «Я ведь всё равно уже всё знаю, сделай меня превыше себя»* – д. Пашево, Кишертский район Пермского края). Причины суффиксальной и грамматической «аранжировки» имени различны. В одних случаях так подчеркивается отнесенность слова к лицу мужского пола и его деятельностное начало (слова *Сатанин* с суффиксом лица -ин, *Сатанило* с суффиксом деятеля -ил(о)). Форма *Сатанас*, вероятно, есть сохраненное греческое транслитерирование еврейского слова *сатан* (в языке из-

вестно применение слова как названия черной, с кроваво-красными пятнами на крыльях бабочки – за ее мистическую красоту). В других случаях вариант имени заостряет народную мысль о том, что Дьявол имеет многочисленные «подобия» (таково значение, вносимое суффиксом -оид, как в *негроид, гуманоид*). Любопытно, впрочем, что в народной речи этот латинский суффикс воспринимается как экспрессивный, негативнооценочный (ср. в просторечии: *Сашка, что ль? – догадался Прошка. – Он вперед всех из деревни убер! Это такой сатаноид – житья от него не было!* – А.Платонов, «Чевенгур»). В духовных стихах также отмечается варьирование – наделение имени женским родом (*А налево вы идите, утешайте Сатану. К ней* (выделено нами – И.П., М.С.) *с скрежсащими зубами прочь идите от меня* – стих «Мы живем на белом свете и не думаем ни о чем», Юрла). Вероятно, представление о женском начале Сатаны обусловлено не только чисто лингвистически (наличием характерного для существительных женского рода окончания), но и устойчивым для разных культур представлением, что именно женщина легко может стать его орудием.

Многие номинации в русском языке исторически возникали как непередаваемые имена собственные. Имя *Люцифер* (из лат. *Lucifer* «светносный») – одно из имен Дьявола в позднем христианстве – этимологически значит «несущий свет»; считается, что его ввел Блаженный Иероним Стридонский при осуществлении латинского перевода Священного писания. Эта номинация (в русских версиях также Денница, Светлица) соотносится с христианской легендой не вполне ясного происхождения о том, что Сатана был светлым ангелом, «сыном зари», но, возгордившись, поднял восстание среди подобных ему и был свергнут вместе с восставшими с небес на землю (*спал с неба, как молния* (Лк 10:18)). Другие, более редкие личные имена Дьявола – *Асмодей* (предп. из др.-евр. *Ашмедай* «искуситель»), крайне редкое *Аполлон*, или *Аполлион* (Лк 10:18) (буквально «губитель; лишаящий дыхания»). Примечательно народное название беса, Антихриста (особенно в старообрядческих представлениях) *Антий* (костр., перм.: *Антия на власть уже поставили, беса-то. Но Боушко Антия-то всё равно сильнее* – д. Усть-Лог Суксунского района). Имя, вероятно, связано с исполином *Антеем*, сыном Земли, которого победил Геракл (от греческого слова *αντίω*, что значит «противостою»), ср. также название «запрещенного» у старообрядцев картофеля перм. *антиев хлеб*. Возможно в этом случае также вольное превра-

щение в имя приставки *анти* из имени *Антихрист* (из установок на эвфемичность).

В номинациях Дьявола нередко содержится уподобление его самому Богу. Такова имеющая библейское происхождение номинация («скорректированная» временным ограничителем) *Бог века сего* (из послания святого апостола Павла коринфянам). В качестве основного языкового инструмента создания оппозиции выступает ряд лексем и номинативных конструкций, одинаково применимых к обоим персонажам, но в контексте представлений о каждом из них имеющих противоположные коннотации. К таким «универсальным» именам относятся существительные *Владыка*, *Отец*, местоимения *Кто-то*, *Он* – все они могут именоваться как Бога, так и Дьявола. Перифраза *Он, не знающий закона*, базируется на понятии «закон», в религиозной парадигме представляющем (в отличие от беззакония-греха) праведный образ жизни. Дьявол, следовательно, являет собой некоторую аналогию Богу. Нередки характеристики его типа *подложный Бог* (стих «Слезой, лившейся в Севоне...», Верхокамье), где определение *подложный* имеет значение ‘являющийся подлогом, фальшивый’. Он называется *Отцом*, но *Отцом лжи* (Христос же – *Вечный отец*; Сын Божий, которому Бог-Отец отдал власть над миром, «приравнен» по значимости к своему Отцу). Номинации двух антагонистов одним термином родства имеют общий смысловой компонент со значением главенства, превосходства, значительности. В ониме Дьявола *Отец лжи* заложена информация о нем как о существе, возглавляющем мир, противоположный миру «праведному». Дьявол как отец грешников будет низвергнут вместе с ними «во тьму кромешную», в то время как в противовес им «праведные» идут <...> во прекрасный рай к Богу. Аналогично применяются и к Богу, и к Дьяволу номинации *Владыка* (с конкретизаторами *Владыка мой Бог* и *Владыко мрачных сил*).

Изначально идеализирующий смысл носила, вероятно, номинация Дьявола *Князем*. В ее основе содержится указание на воинственность Дьявола – словом *князь* в прошлом называли лицо, совмещавшее жреческую и руководящую функции, по преимуществу, военачальника, предводителя войска. Таким образом, богословское применение к Сатане слова *Князь* подчеркивает его воинственность. Поскольку в народной речи словом *князь* эвфемически обозначается жених (а также и болезненный нарыв), можно говорить и о табуистической функции названия. Нередко эта номинация получает уточняющее расширение и превращается в формулу – *Князь мира* (се-

го), *Князь, господствующий в воздухе* (Еф 2:2), *Князь бесовский* (Мф 3:4).

Структурообразующими элементами христианского мирозерцания являются противоречия (антиномии), которые представлены в парах *Бог – Сатана*, *Спаситель – Лжеспаситель*, *Христос – Антихрист* и выражают взаимосвязь категорий Добро и Зло. Такого рода номинации актуализированы в современных религиозных воззрениях, поскольку они характеризуют современный мир как лежащий «во зле», управляемый Дьяволом, который направляет человеческие помышления и страсти туда, куда хочет он, а не Бог. На оппозиции «свет – тьма» основывается номинация Дьявола *Князь тьмы*, где отражены не собственно зрительные ощущения, а древнее осмысление света и тьмы, которые люди считали божествами («У первобытных племен сложилось убеждение, что мрак и холод, враждебные божествам света и тепла, творятся другою могучею силою – нечистого, злого») [Афанасьев 1995: 48]. В противоположность идее чистоты как символа святости (*Пречистая* как эпитет Богородицы) для характеристики Дьявола используется мотив нечистоты (*нечистый дух*, *нечистая сила*). Нечистота – символ зла, она интерпретируется как следствие погружения падшего ангела в материальное, связанное с грязью (ср. евангельский рассказ о вселении бесов в свиней (Мк 5:12-13)).

Праведности Бога противостоит неправедность Дьявола, в номинациях которого активен компонент со значением ‘ложь’, ‘обман’, ‘коварство’: Дьявола называют *клеветником*, *Отцом лжи*, *лживым духом*. Название также поддержано этимологически – слово восходит к греч. *Diabolos* (букв. ‘клеветник’). Спасителю, источнику доброты противопоставлен стремящийся погубить людей Дьявол, который назван *жестоким* (*злым*) *ангелом*, *злым духом*. Название Дьявола *Враг* создано по противоположному соотношению с *Друг* Христос (в стихе «В Пятницу святую...» Христос называется *Спасом*, *Другом*, *Братом*, *нежным Отцом* – Ильинский район, Прикамье). Слово соотносит Дьявола с недругом, который осаждает «вечные врата» души человека (в говорах *враг* часто также «черт» – новг., томск., перм.). В стихах (стих «Напал дьявол на меня, враг прелестивой...», Верхокамье) характеристика *Враг* может быть усилена эпитетом *прелестивый* (от старого *прелесть* «обман, обольщение»).

В то время как официальная церковная традиция ставит во главу угла Бога, народный миф отчасти стремится восстановить баланс между двумя полюсами (по народной поговорке *Бога*

люби, но и черта не гневи). Сопряжением образа Дьявола с языческим чертом объясняются представления о Дьяволе как о звероподобном существе с рогами и копытами, покрытом черной шерстью. Черт и Дьявол оказываются функционально близки: и тот и другой вводят людей в грех, насылают болезни (ср. в говорах: *сатана* новг. «нечистая сила, леший, живущий в болоте» [СРНГ 2002, 36: 150]).

Многие из приведенных номинаций Дьявола призваны эвфемически охарактеризовать опасное понятие, заменить смягченным обозначением название пугающего объекта. Создание особых имен (особенно это ощущается в народной речи) мотивируется запретом на прямое название Дьявола (Сатаны), что связано со стремлением не накликать беду. Отголоски табуирования имени Беса, замены его дублирующими именами, эвфемическими эпитетами и апелляциями проявлены в названиях типа *окаянный, неприязнь, лихновец*. Слово *окаянный* считается заимствованием из старославянского языка, где оно является страдательным причастием от глагола *окаяти* «проклясть, осудить». Народная этимология связывает это слово с именем Каина, который, согласно Библии, убил своего брата и был проклят Богом.

Отметим некоторые характерные для текстов духовных стихов названия Дьявола. Выступая в качестве посредника между письменной христианской и устной народной культурой, стихи, тем не менее, не достаточно активно используют такие имена книжного происхождения, как *Асмодей, Вельзевул (Велзеул), Антихрист*. Гораздо более частотны описательные номинации. Такова характеристика Дьявола *лукавый* (производное от старого *лука* в значении «хитрость, коварство», из осмысления кривого, изогнутого как неправедного). *Лукавым* в стихах называется Дьявол-змея (...*змея лукавый, семиглавной, изрыгал он свою горкую ярость по всеи земли, по вселенной* – Верхокамье). Определение может сочетаться со словом *Антихрист* (*Антихрист лукавый* – стих о Никоне «Повесть я сию пишу...»). Как *лукавый* характеризуется и сам мир, который верующим оценивается как погрязший в пороке (*Мире лукавый, скорбми исполненный* – стих «О горе мне, грешнику существу...», записано в Октябрьском районе Костромской области). Аналогично *кривым* называется бес в стихе о Никоне «Повесть я сию пишу...» (Верхокамье). В названии Дьявола *Падший* символически использован мотив падения, который ассоциативно соотносится со «стоянием» как пребыванием «в вышних»: «падение» есть перемещение в область низменно-материального, в нижний мир, под ко-

торым верующими понимается и ад, и просто земля. Падшим в стихах называется и сам грешный мир (ср. в стихе: «Душе моя, умилися, падшаго мира удалися»).

Активны в стихе «животные» метафоры, которые подчеркивают глубину падения Дьявола – ниже человеческой природы. Определение Дьявола *Змеем (Змием)* в исследованных текстах духовных стихов встречается 5 раз. «Древний змий, клеветник и враг Божий» назван Сатаной в Новом Завете; в облике змия Сатана обманул Еву и Адама. Несомненно, эта «фигура» Дьявола воспринимается как метафора, обозначающая его обращенность к земле и земному (слово *змея* этимологически родственно слову *земля*), поскольку небесные сферы для него отныне закрыты.

Дьявол в библейских текстах может соотноситься с собакой, волком, медведем, львом, барсом (Дьявол *ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1Петр 5:8)). В Апокалипсисе Св. Иоанна Богослова Дьявол представлен как фантастический зверь: ...*зверь багряный с семью головами и десятью рогами: на рогах его... десять диадем, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва*). Эклектическое соединение в одно черт барса, медведя, льва в этом случае есть способ воплощения абстрактной идеи «звериности» Дьявола как таковой. Гипероним *зверь* активно применялся и применяется не только для представления Сатаны, но и его «ставленников», в том числе и реальных исторических персонажей (в частности, Наполеона Бонапарта). Слово используется даже для характеристики более абстрактных проявлений «земного лика Сатаны». Так, Сергей Булгаков в «Апокалипсисе Иоанна» сравнивал с апокалиптическим зверем государство: «Зверь... означает государство... зверь государственности тоталитарной, притязающей стать единственно определяющим и исчерпывающим началом в человеческой жизни» [Булгаков 1948: 46-49].

Своеобразная характеристика Дьявола-животного представлена в стихе о Никоне «Повесть я сию пишу» (зап. в Верхокамье): *Грозно хлопал он глазами и ослиными ушами поводил...* Любопытно, что на триптихе И.Босха «Сад земных наслаждений» черный демон у престола Сатаны также изображен с ослиными ушами. Соотнесение Дьявола с ослом задает негативно-оценочное к нему отношение (ср. известное использование ослиных ушей для символизации глупости, например, на шутовском колпаке как образе дурака; дурак же в народной речи нередко

соотносится с чертом, ср. смоленское *дурак его знает* в значении *черт его знает*).

Отмечаются в стихах и более сложные характеристики Дьявола. Так, достаточно необычная номинация *черт несчастной* для Дьявола-соблазнителя Адама и Евы представлена в стихе «Жили Адамий и Ева»: *Оне сели под кусточек, под кусточек под ракиту, К ним подкрался черт несчастной, черт несчастной, сам злосчастной. Он и стал и вопрошати, он и стал и соблазяти на сотонскую на веру* (зап. в Юрлинском районе Прикамья). Определение Дьявола-черта «несчастный, злосчастный» с оттенком жалости, соучастия, несомненно, связано с фольклорным, народным восприятием черта как существа, не находящего себе места в этом мире (и поэтому мешающего праведно жить остальным). Вероятно, поэтому и во многих народных сказках черт предстает неудачником, несчастным, вызывающим жалость (заметим, что как *несчастный* черт нередко характеризуется и в художественной речи – см. рассказ Л.Андреева «Правила добра», стихотворение М.Петровых «О рьяный дьявол»).

Специфической для духовных стихов является номинация Дьявола *преисподним вампиром* (стих «Повесть я свою пишу...», Верхокамье). Вообще, с образом ада в духовных стихах Дьявол соотносится нечасто, локус его обитания чаще всего – человеческий мир (из устойчивого религиозного представления о приходе Сатаны в мир перед Вторым Пришествием Христа, об уже наступившем Конце времён). *Вампир* – хтонический персонаж славянской языческой демонологии, оборотень-мертвец, который, выходя из могилы, пьет человеческую кровь, соотносится, как и Сатана, с Тьмой, считается ее порождением.

Имя Дьявола, как и Бога, есть ключевой религиозный символ, который сакрализуется, наделяется особыми онтологическими признаками. Подобно другим символическим образованиям, система именования Дьявола антиномична, строится на оппозиции к системе номинаций Бога (Христа), что отражает дуалистическое восприятие мира носителями религиозного сознания. Наблюдения над использованием имен Дьявола в прикамском духовном стихе показывают, что многие из них являются именами собственными в «ослабленной» степени, поскольку образованы от апеллятивов. Среди них немало «подменных», неподлинных имён, наделенных ярко выраженной эвфемической окраской. Их функция заключается не столько в различении объектов, сколько в их объединении для представления многоликости Зла. В текстах духовных стихов активно используются как однословные име-

нования Дьявола, так и двусловные, являющиеся описательными перифразами, а в ряде случаев устойчивыми фразеологизированными формулами.

¹ Номинации Дьявола извлечены из различных собраний духовных стихов: сборников «Голуби на часо-венке» [Подюков, Хоробрых 2009], «Русские в Коми-пермяцком округе» [Бахматов и др. 2008]; «Духовные стихи Верхокамья» [Кому повем печаль мою... 2007]. Использованы также Рукописный сборник добрянских духовных стихов, полевые фольклорные материалы по Пермскому краю Центра этнолингвистики Пермского государственного педагогического университета.

Список литературы

Аверинцев С.С. Сатана // Мифы народов мира. М.: 1992. Т. 2. С. 412-414.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1. 414 с.

Бахматов А.А. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования / А.А.Бахматов, Т.Г.Голева, И.А.Подюков, А.В.Черных. Пермь: Изд-во «ОТиДО», 2008. 502 с.

Булгаков Сергей. Апокалипсис Иоанна: Опыт догматического истолкования. Париж, 1948. С. 46-49.

Кому повем печаль мою... Духовные стихи Верхокамья. Исследования и публикации / под ред. И.В.Поздеевой. М.: Данилов ставропольский мужской монастырь, 2007. 332 с.

Мусорин А.Ю. Лексические заимствования в области христианской теонимической лексики восточнославянских языков // Компаративистские исследования и кросс-культурный подход в науке и образовании. Новосибирск, 2008. С. 118-120.

Подюков И.А., Хоробрых С.В. Голуби на часо-венке. Сказки и песни деревни Усть-Уролка. Пермь: ООО «Изд-во “Сота”», 2009. 128 с.

Соломонов М.А. «Многоименность» Богородицы в русских духовных стихах (на материале прикамской традиции) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С. 30-34.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 36. СПб.: Наука, 2002. 344 с.

Черепанова О.А. Культурная память в древнем и новом слове. СПб.: С-Петербург. ун-т, 2005. С. 92-101.

SPECIFICITY OF DEVIL'S NAMING IN RELIGIOUS VERSES OF PRIKAMYE

Ivan A. Podukov

Professor of General Linguistics Department
Perm State Pedagogical University

Mikhail A. Solomonov

Post-Graduate Student of General Linguistics Department
Perm State Pedagogical University

The article covers lexico-semantic analysis of a specific group of proper names which is active in the spiritual verse language – theonyms, the names referring to the Bible figure of the Devil. For this class of the words, cultural and semiotic motivations, euphemic style creation means and usage frequency are revealed. Comparison of the spiritual verse formulas and the Devil religious nominations in the standard Russian language and in Russian dialects allowed us to detail the general provisions on the combination of academic, colloquial and folk elements in the spiritual verse language.

Key words: theonym as a proper name; formula in the folklore language; linguistic-semiotic relations in folklore nominations.